

Александр Степанович Грин

Как бы там ни было

Александр Степанович Грин

Как бы там ни было

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622715

Аннотация

Богач «свихнул ногу» и просит нищего отнести его в дом.

© *FantLab.ru*

Александр Степанович Грин Как бы там ни было

Стало темно. Туча, помолчав над головой Костлявой Ноги, зарычала и высекла голубоватый огонь. Затем, как это бывает для неудачников, все оказалось сразу: вихрь, пыль, протираание глаз, гром, ливень и молния.

Костлявая Нога, или Грифит, постояв некоторое время среди дороги с поднятым кверху лицом, выразившим презрительное негодование, сказал, стиснув зубы: – «Ну хорошо!», поднял воротник пиджака, снятого на гороховом поле с чучела, сунул руки в карманы и свернул в лес. Разыскивая густую листву, чтобы укрыться, он услышал жалобное стенание и насторожился. Стенание повторилось. Затем кто-то, сквозь долгий вздох, выговорил: – «Будь прокляты ямы!»

Грифит сделал несколько шагов по направлению выразительного замечания.

Прислонившись к пню, сидел молодой человек в недурном новом летнем пальто, с хорошенькими усиками и румяным лицом. Охватив руками колено, он раскачивался из стороны в сторону с таким мучительным выражением, что Грифит почувствовал необходимость назвать себя.

– Позвольте представиться, – сказал он угрюмо, как будто

посылал к черту. – В тех кругах, где вы не бываете, я известен под именем Костлявой Ноги. Мой отец ничего не знает об этом, так как его звали Грифит. Чем вы недовольны в настоящую минуту жизни?

– Тем, что свихнул ногу, – ответил молодой человек, смотря на серое, голодное лицо Грифита и переводя взгляд на ближайший толстый сук. – Я не могу больше идти. Боль страшная. Нога горит.

– Вы бы встали, – заметил Грифит.

Пострадавший злобно и тяжело крикнул.

– Бросьте шутки, – сказал он. – Лучше бегите по дороге на ферму – это полчаса ходьбы – и скажите там Якову Герду, чтобы прислал лошадь.

– На ферму «Лесная лилия»? – кротко спросил Грифит. – Ну нет, я не так глуп. Месяц назад я поспорил там с одним человеком. Я старательно обхожу эту ферму. Она мне не нравится. Прощайте.

– Как, – вскричал пострадавший, – вы бросите меня здесь?

– Почему же нет? Какое мне дело до вашей ноги? Ну, скажите, какое? – Грифит пожал плечами, сплюнул и отошел. Постояв под дождем, он вернулся, сморщась от раздражения. – Вот вы и пропадете тут, – сказал он грустным голосом, – и помрете. Прилетят птички, которые называются вороны. Они вас скушают. Кончено. Прощайте радости жизни!

Взгляд разъяренного кролика был ему ответом. – С людьми вашего сорта... – начал молодой человек, но Грифит

перебил.

– Черт бы вас побрал! – сурово сказал он, схватив жертву под мышки и ставя на одной ноге против себя. – Прислонитесь пока к стволу. Я посмотрю. Вес легкий. Я вас снесу, но не на ферму – долой собак! – а где-нибудь поблизости. Там вы можете проползти на брюхе, если хотите.

– Удивительно, – пробормотал молодой человек, – зачем вы ругаетесь?

– Потому что вы осел. Почему вы не свернули себе шею? По крайней мере, мне не пришлось бы возиться с таким трупом, как вы. Ну, гоп, кошечка! С каким удовольствием я бросил бы в озеро ваше хлипкое туловище.

Говоря это, он с ловкостью и бережностью обезьяны, утаскивающей детеныша, взвалил жертву на плечи, дав ей обхватить шею руками, а свои руки пропустил под колени пострадавшего и встряхнул, как мешок. Взвизгнув от боли, молодой человек страдальчески рассмеялся. Его взгляд, полный ненависти, был обращен на грязный затылок своего рикши.

– Вы оригинал, но, как вижу, очень сильны, – проговорил он. – Я не забуду вашей доброты и заплачу вам.

– Заплатите вашей матери за входной билет в эту юдоль, – сказал Гриффит, шагая медленно, но довольно свободно, по размытой дождем дороге. – Не нажимайте мне на кадык, паркетный шаркун, или я низвергну вас в лужу. Держитесь за ключицы. Так с высоты моей спины вы можете обозревать окрестность и делать критические замечания на счет моей

манеры говорить с вами. Моя манера правильная. Я сразу узнаю человека. Как я увидел вашу лупетку, так стало мне непреодолимо тошно. Разве вы мужчина? Морковка, каротель, – есть такая сладенькая и пресная. Другой бы за десятую часть того, чем я вас огрел, вступил бы в немедленный и решительный бой, а вы только побрякиваете. Впрочем, это я так. Сегодня у меня дурное настроение.

Его ровный, угрюмый, дребезжащий голос, а также ощущение могучих мускулов, напряженных под коленями и руками жертвы, привели молодого человека в оторопелое состояние. Он трясся на спине Грифита с тоской и злобной неловкостью в душе, нетерпеливо высматривая знакомые повороты дороги.

Грифит, который эти дни питался случайно и плохо, стал уставать. Когда ноша сообщила ему, что ферма уже близко, он присел, ссадив жертву на траву, – отдохнуть. Оба молчали.

Молодой человек, охая, ощупывал распухшую у лодыжки ногу.

– Зачем шли лесом? – угрюмо спросил Грифит.

– Для сокращения пути. – Молодой человек попытался фальшиво улыбнуться. – Я там знаю все тропочки от Синего Ручья до Лесной Лилии. И вот, представьте себе...

– Полезай на чердак! – крикнул Грифит, вставая. – Эк разболтался! Не дрыгай ногой, чертов волосатик, сиди, если несут. – И он снова побрел, придумывая, как бы больнее рас-

травить печень себе и своему спутнику. – Решительно мне не везет, – рассуждал он вслух, – тащить вместо мешка хлеба или свинины первого попавшегося ротозея, которому я от души желаю лишиться обеих ног, – это надо быть таким дураком, как я.

Дорога стала снижаться. Под ее уклоном блеснуло озеро с застроенным несколькими домами берегом.

– Ну, – сказал Грифит, окончательно ссаживая молодого человека, – катись вниз, к своему Якову Герду. Возьми палку. Ею подпирайся. Да не эту, остолоп проклятый, вот эту бери, прямую.

Он сунул отломанный от изгороди конец жерди.

– Вы... потише, – сказал вывихнутый, взглядывая на крыши. – Здесь не лес.

– А мне что? – добродушно ответил Грифит. – У меня нет крыши, на которую ты так воинственно смотришь. Прощай, береги ножки. Как бы там ни было. Мой сын был вроде тебя, но я его обломал. Он умер. Убирайся!

Не обращая более внимания на человека, с которым провел около получаса, Грифит задумчиво побрел в лес, чтобы обогнуть ферму, где некогда водил знакомство с курами. Его что-то грызло. Скоро он понял, что эта грызня есть не что иное, как желание посидеть, в чистой, просторной комнате, за накрытым столом, в кругу... Но здесь мысли его приняли неподозволенный оттенок, и он стал тихо свистать.

Гроза рассеялась: дождь капал с листьев, в то время как

мокрая трава дымилась от солнца. Грифит провел несколько минут в состоянии философского столбняка, затем услышал собачий лай. Лай затих, немного погодя в кустах раздалось жаркое, жадное дыхание, и Грифит увидел красные языки собак, удержанных от немедленной с ним расправы ремнем, оттянутым железной рукой Якова Герда. Это был старик, напоминающий шкап, из верхней доски которого торчала вся заросшая бородою голова гиганта. Винтовку он держал дулом вперед.

Грифит встал.

– Я не ем куриного мяса, – сказал он. – Вы ошиблись и в тот раз и теперь. Я – вегетарианец.

– Если я еще раз увижу тебя в этих местах, – сказал Герд, бычьим движением наклоняя голову, – ты при мне выкопашь себе могилу. Что сделал тебе племянник? За что ты так оскорбил его?

– Мы поссорились, – угрюмо ответил Грифит, не сводя взгляда с собак. – Спор вышел из-за вопроса о...

– Ступай прочь, – перебил Герд, трясая за плечо бродягу. – Помни мои слова. Я пощадил тебя ради воскресенья. Но Визг и Лай быстро находят свежую дичь.

И он стоял, смотря вслед бродяге, пока его спина не скрылась в кустах.